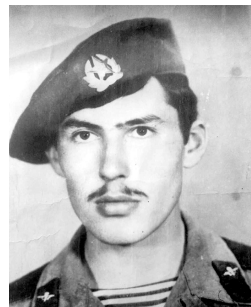

Анцар
Жолимбетов

В УЗБЕКСКОМ ГОРОДЕ ЧИРЧИК

Из армейской тетради. 1972 год

МАЙ

1.

Уж эти праздники с цветами!..
А в месяц май что происходит с нами,
Когда нас сводят каждый день
С ума ромашки, маки, ирисы, сирень!

Приходит первым Первомай, –
Наигрывай, гармошечка, играй! –
Приходит с первыми цветами,
И с разноцветными шарами,
И с плещущими кумачами,
С весельем и приветными речами.

В руках у девушек цветы:
Сирень, тюльпаны,
Ирисы, фиалки, георгины.
А рядом, под руки, –

такая вот картина, –

Смеющиеся парни,
женщины, мужчины.

И с криками «Ура!»
Ликуют все: и старики, и детвора...
Наводит май сердечные мосты
Своими первыми цветами.

2.

Проснулись ветры молодые,
Неудержимые, хмельные,
И над лесами, над полями
Громокипящий кубок накренился.

И вместе с огненной зарницей
Пролился светлыми слезами.

А где-то в горестной истоме
Вздохнули тысячи смычков,
И в каждом городе, деревне, доме
У фотографий и икон,
У красно-звездных обелисков
Склонились горестные лица
Победоносных стариков.

Мы помним всё!
Мы помним каждого солдата.
Нам не забыть
Проклятый сорок первый,
Но каждой клеточкой,
Но каждым нервом
Пусть помнит враг
Жестокий сорок пятый!..

Пылают ордена,
Гремят оркестры духовые,
У Вечного огня
Собрались други боевые...

Как день цветами празднично пропах!
Рядом со скорбными венками
Среди георгиевских лент
Ложатся у огня, на постамент,
Охалками гвоздики, маки,
Ирисы, сирень
В особо грустный день,
Что со слезами на глазах.

ЗАТЯЖНОЙ ПРЫЖОК

Я шагнул из самолета.

Подо мною облака.

Парашют мой на задержке,

Не раскрыт еще пока.

Режу небо я со свистом,

Словно камушек лечу,

И все больше понимаю,

Что так больше не хочу.

Кто же знал, что больше часа

В птичьем небе пять секунд!

Пять секунд, поди, промчалось,

Да уж час, поди, промчался!

В сердце – ужас, в сердце – бунт:

Не рюкзак ли за спиною!..

А мгновеньям нет конца.

Сердце в ужасе застыло.

И не выдернуть кольца.

И до боли, нет – до смерти,

Жаль становится в душе,

Что не жил еще на свете,

Что шагнул из самолета,

Что ни борта, ни пилота

Не вернуть уже.

Что не видел ничего:

Ни Египта, ни Курил,

Ни Мальдивов, ни Манил,

Не объелся ты пирожным

И на палочках мороженым,

Не любил еще девчонку!

Подвига не совершил!

Вдруг – хлопок, и чья-то сила

Всё как будто осадила.

Закачался купол белый, а под ним

Не тростинка, не былинка,

И не мертвый, не живой –

Человека половинка,

Потрясенный херувим.

Самолетов гул турбинный

Не тревожит больше слух.

Парашюты, парашюты, –

Так весною тополиный

В небесах разносит пух.

А внизу аулы, юрты...

И, всем страхам вопреки,

Гаснут, гаснут парашюты

На лугах и у реки.

А кругом степные маки

Наподдали нынче жару.

Косогоры, буераки –

Всё охвачено пожаром.

И девчонки-аулчанки,

Нет – богини красоты,

Дарят мальчикам в берегах

Свои первые цветы.

ТЕЛЬНЯШКА

Я мечтал служить на флоте,

О морской мечтал пехоте,

О тельняшке черно-белой,

Быть отчаянным и смелым,

Быть на «ты» чтоб со штормами,

Быть в Ямайке и Панаме.

Жизнь и вправду полосата,

Как тельняшка на груди.

То несчастьями чревата,

То удача впереди.

Я мечтал служить на флоте,

А попал в десант –

Парашюты, самолеты

И в берете лейтенант.

Отгремели грозы мая –

Небо сине надо мной.

Тельняшка бело-голубая,

Берет небесно-голубой.

За пятак в ладошке потной

В клубе, помнится, давно

Мы мальчишками смотрели

Черно-белое кино.

Мы сражались под Одессой,
Умирала у Керчи,
Защищали Севастополь,
Превращенный в кирпичи,
Где сошлись с кривдой правда,
Две смертельных полосы.
Город верный, город славный
Жил последние часы.

Среди бомбовых разрывов
Шли на пули и штыки,
В рукопашную бросались
Краснофлотцы-моряки.

Их прозвали черной смертью,
Ужас сеявших врагам,
Их – в тельняшках черно-белых,
Их, чей подвиг дорог нам!

Не пришлось ходить мне в море,
И давно ушла война.
Той войны не знал я горя,
Но ведь родина одна.

И за родину мою
Не в тельняшке черно-белой,
Ну так в бело-голубой, –
Я не хуже постою.

ПОД КУПОЛОМ ПАРАШЮТА

Парашютов полно небо,
Далеко внизу земля.
Надо мною купол белый,
Подо мной поля, поля.

Вон букашки-танки с краю,
Муравьями у КП – народ.
Отчего мне весело, не знаю.
Отчего отчаянье берет?

Всё бело от парашютов,
Как на празднике мечты.
Словно кто-то ранним утром
С одуванчика-гиганта
Сбил огромные зонты.

Вверх и вниз по вертикали
Носит песню в небесах.
Звонок смех, как звон хрустальный,
Звон небесный – в голосах.

А земля все ближе, ближе...
Веет от нее теплом,
Словно мать моя родная
Помахала мне платком!

«Запевай!» – мне крикнул кто-то,
Запеваю и смеюсь,
И собой необычайно,
Как-то трепетно горжусь.

ДЕСАНТУРА

Я десантник, я молчу.
Ну да если захочу,
То достанется доске
И крутому кирпичу –
Всё об лоб расколочу!

ЧЕСТЬ

Говорят, что честь –
Где-то чушь, а где-то лезть.
Может, так оно и есть.
Может, так удобней жить.
Только с тем, кто так живет,
Не хотел бы я дружить.

* * *

В узбекском городе Чирчик
Одноименная река, как водится,
Закована в бетон.
Но над водой ее не чаек крик,
Солдатика-мальчишки слышен стон.

Стоял и я на том мосту
Глухою ночью на посту –
Зеленый, тихий первогодка.
Такой же жалкий и забитый,

Облокотившись на перила,
 Глядел я долго и уныло,
 Как подо мной река вздыхала,
   что-то говорила,
 Ворочала во тьме золотые самородки.

И видел я в буграх катившейся волны
 Его глаза, его лицо,
   как будто бы воочию,

Его поломанные сны,
 Его недоспанные ночи,
 Его обиды к извергам –
   сержантам и «дедам»,
 Его отчаянье, его решение
   со всем покончить разом,

Уйти туда, где не найти его
   тупым, бездушным кулакам
 И нечеловеческим приказам.

В узбекском городе Чирчик
 Так много воинских подразделений,
 Что в двадцать лет
   ты без сомнения – «старик»,
 А в восемнадцать –
   «зелень», без сомнений.

Здесь правит жизнью воинский Устав
 И «старички»,
   и те, кто выше по ранжиру.
 От власти подустав,
 Одни беснуются от жиру,
 Другие в омут норовят,
 Иные в дезертиры,
 Порядком от всего устав.

За городом Чирчик,
   под небом ласковым и синим,
 Однажды белый не раскрылся парашют.
 Как хорошо на кладбище! Там тишина.
 Среди роз и лилий
 Там соловьи, как очумелые, поют.

Так отчего ж мы хмуры,
   родины солдаты?

Кто в пол глядит,
 Кто мнет растерянно берет,
 Как будто все мы сильно виноваты

Пред тем, кого уж не вернуть,
 Кого уж нет.

Но жизнь есть жизнь.
 Недолго горю длится,
 Проходят дни, смягчают лица.
 Из глины улочки,
   дувалы, виноградники –

Таков Чирчик.
   За рубль – литр терпкое вино
 Носили мы в кухонных,
   обгорелых чайниках,
 Найдя в саду заветное окно.

А девочки какие там,
   в далеком южном городке!
 Их губы пахнут дынями и мятой.
 Ночами звездными
   мы в самоволку налегке
 Летали закоулками –
   не то гражданские, не то солдаты.

Эх, да сапоги по дембелю
   носили мы в гармошечку,
 Сдвигали лихо на ухо берет.
 Мы «стариками» дольше спали,
 Строем не ходили
 И ели в одиночестве
 В пустой и прибранной столовой,
 Чтоб видели и чтили:
 Вон тот бритоголовый –
 Это «дед».

В берете у десантника –
   нитки и иголлка,
 Он свеж и чист, всегда подтянут:
 В строю и увольнении,
   когда идет в наряд;
 И сапоги его
   огнем гореть не перестанут.
 Ведь он не кто-нибудь –
 Солдат.

Он многое умеет.
 Он через многое прошел.
 Умеет шить, стирать,
 Умеет мыть полы, подать на стол

И мастерски стрелять.
 Боец, минер, парашютист,
 Он в небе – ас, он в поле – лось,
 На полосе препятствий он – артист.

Мы погибали с ним в песках,
 В горячей, выжженной пустыне.
 И там, в аду,
 познали дух и истину святынь:
 Дороже нет испытанного друга,
 Глотка воды ценою в жизнь.

Бросали нас на выживание
 В угоду вьюгам злым,
 В снега высокогорного Чимгана
 В условиях, близким к боевым.

Мы совершали марш-броски
 Шестикилометровые
 Во всеоружии,
 в едином, спянном строю.
 И стиснув зубы, будто бы в бою,
 Мы набирались сил и опыта
 Под рёв старшин,
 Под издевательства дедов,
 под кулаки суровые.

Нам не забыть тебя, Чирчик.
 Как видишь, есть на то причины.
 Уходят в армию юнцы,
 Но возвращаются – мужчины.

НА ДЕМБЕЛЬ

Музвзвод, уважь почтенных дембелей,
 Сыграй в последний раз
 «Прощание славянки».
 В последний раз в строю
 со мною друг мой Костя с Якиманки
 И из Киргизии – приятель Едигей.

Сыграй, чтоб в горле – ком!
 да закипела кровь!
 Эх, да сапоги в гармошечку,
 берет – на бровь!

Прощай, мой полк,
 прощай, вторая моя рота
 Прощайте парашюты,
 стрельбище и строевые на плацу,
 И марш-броски,
 и труд на кухне до седьмого пота!
 Ура гражданочке!

Гражданка каждому к лицу.
 Два года, слышь-ка, пролетели,
 Как пять минут на карусели.

Вперед, музвзвод!
 А мы уж ВДВ не посрамим.
 Тяни носочек, брат,
 Чтоб дрогнул плац родной под сапогами.
 За взводом взвод –
 проходим ровными рядами
 В последний раз парадно-строевым.
 На нас весь полк глядит,
 наш батя и комбат.
 Тяни, тяни носочек, брат!

Гремят торжественно, –
 ты слышишь! –
 трубы и волторны,
 В последний раз
 ожил наш старый плац.

Плечом к плечу со мною
 Шалва из Тбилиси
 И из Одессы Боря Кац.
 Чеканим шаг,
 и грудь вздымается в восторге.
 Эх, да сапоги в гармошечку,
 берет – на бровь!
 Уж ждет меня домой девчоночка,
 девчоночка – любовь!

